

В огромном зале, залитом палящим солнцем, царил странный холод.

Цзи Сяо, стоя у порога, некоторое время не мог решить, с какой ноги войти.

«Что случилось, госпожа?»

Знакомый голос нарушил странность, и подошла служанка Б, подмигивавшая вчера вечером.

Она примчалась, услышав звуки, разносившиеся по помещению, и увидела, что Цзи Сяо тоже нервно остановилась здесь.

«Спроси у них», — Цзи Сяоань приподняла подбородок и жестом велела служанке Б расспросить служанок А и В, находившихся в зале.

Смешно, но две служанки, еще секунду назад бесцеремонно распоряжавшиеся Вэй Цинъюй, при виде вошедшей Цзи Сяо моментально умолкли. Они почтительно отошли в сторону, застенчивые и робкие, как безволосые перепелки.

Служанка Б мгновенно поняла, что задумала Цзи Сяо, и строго спросила: «Что происходит! Из-за чего вы побеспокоили госпожу!»

Она была немного старше, и ее униформа явно отличалась от униформы двух других служанок. Похоже, она была экономкой.

Услышав этот звук, две служанки опрометью отскочили: «Тетя У, это Вэй Цинъюй! Это не мы».

«Да, она не только не выпила прописанное ей доктором Ченом лекарство, но еще и опрокинула чашу!»

Две служанки сердито ткнули пальцем на Вэй Цинъюй, которая к тому времени уже поднялась с пола.

С прямо спиной она села на стул, и, хотя остальные оклеветали ее, ее бледное лицо оставалось безразличным, и она, казалось, не собиралась оправдываться.

Вэй Цинъюй привыкла к этому, все равно Цзи Сяо никогда не верил ничему, что она говорила, и даже находил причину продолжить пытаться себя по этой причине.

Зачем ей утруждать себя, говоря так много, если вместо этого она выглядела бы смущенной.

В безмолвной комнате раздался смешок.

Цзи Сяо прижалась к дверному косяку и смотрела, как эти две дуры вешают всю вину за неверные деяния на Вэй Цинъюй.

Если бы она не знала, что Вэй Цинъюй ходит по тонкому льду в доме Цзи, то поверила бы в их праведный гнев.

Губы тетушки У, готовые что-то произнести, сильнее сжались после того, как Вэнь Сяо, стоявшая рядом с Цзи Сяо, промолчала.

Цзи Сяо: «Ты думаешь, я в это поверю?»

Голос книги был довольно прохладным, и две служанки встревоженно опустили головы,

чувствуя себя виноватыми.

«Не вздумай научиться каким-то умным приемам, чтобы отличать правду от лжи, тетушка У, выгони их. Я не собираюсь целый день болтаться перед моими глазами и расстраивать меня». Цзи Сяо переняла тон прежней владелицы и произносила слова беспечно и нарочито.

Последнее, что ей сейчас нужно, — это такие служанки, которые пойдут против нее.

«Мисс, это...», — заколебалась тетушка У.

Пусть эти двое и глупые, но в сердце Цзи Сяо они занимают самое любимое место, почему же ей вдруг стало скучно?

Цзи Сяо посмотрела на тетушку У с угрозой: «Что? Ты тоже хочешь уйти?»

«Я этого не имела в виду», — поспешно отрицала тетушка У, одной рукой взяв одну служанку, а другой — другую, и увела их, не дав им ни шанса молить о пощаде.

Их юная леди всегда была то в хорошем, то в плохом настроении, и я не знал, что произошло с Вэй Циньюй в маленькой черной комнате прошлой ночью.

Кажется, к Вэй Циньюй впредь нельзя относиться легкомысленно.

Цзи Сяо: «Подожди».

Тетушка У поспешно остановилась, услышав этот звук.

Цзи Сяо указала на беспорядок на полу: «Пошли кого-нибудь прибраться и свари миску лекарства».

Тетушка У: «Да».

По правде говоря, Цзи Сяо хотела сама убрать эти разбитые стекла, но для юной леди Цзи нет причин убирать комнату для Вэй Циньюй — это не в ее характере.

Так что Цзи Сяо продолжила сидеть, вытянув ноги, словно надзиратель, наблюдая за тем, как новые слуги убирают в комнате Вэй Циньюй, и даже погрызла семечки арбуза, которые держали слуги.

Солнечный свет слегка сместился, и люди, которые до полудня буквально горели, не могли открыть глаза.

Хотя в этот раз Цзи Сяо и Вэй Циньюй не были одни в комнате, Сяо был слегка напуган тихой обстановкой и молчаливо убирающей горничной.

Вэй Циньюй по-прежнему сидела прямо, держа в руках тяжелую книгу, её длинные чёрные волосы струились по лицу, бледному и мрачному, изнутри проступала опасная и хрупкая болезненная красота.

Цзи Сяо тайком поглядывал на неё, и скорость поедания семечек замедлилась.

Внезапно бирюзовые глаза Вэй Циньюй неожиданно поднялись и ударились о подкрадывающегося Цзи Сяо.

Брезгливость была в этих глазах, подозрительность была в них, и даже более сильная ненависть к себе.

В комнате тихо работал центральный кондиционер. Очевидно, что прохладный ветерок не проходил мимо него напрямую, но Цзи Сяо почувствовал боль в своём сердце.

Она спешно отвела взгляд. Задумавшись, если бы не семья Цзи, Вэй Цинъюй боялся, что Вэй Цинъюй вонзит себе ножницы в следующее же мгновение и безжалостно покончит с собой.

Горничная быстро убрала комнату Вэй Цинъюя, заменила ковер, запачканный китайским лекарством, и заменила его на белоснежный плюшевый ковер.

Вэй Цинъюй был бос и держал босые ноги на ковре. Его изящная подъёма ноги была окутана мягким плюшем, белым и снежным.

Цзи Сяо боялся снова почувствовать такой страх, на этот раз он быстро отвёл взгляд, опустив голову и вновь начал очищать семена дыни.

В комнате было жутко тихо, так как в ней уже не слышно было, как горничные выполняют свои обязанности.

Вэй Цинъюй держал в руках «Отверженных», но не читал его внимательно. Его внимание было всегда отвлечено альфой, которая находилась в комнате.

Цзи Сяо не знал, каким ветром его занесло, но он даже уволил свою самую сильную служанку-прокурора, и сейчас он остался здесь.

Чего она хочет этим добиться?

Неужели всё и вправду зависит от того, выпью ли я это лекарство?

Вэй Цинъюй нахмурилась, в очередной раз удостоверившись в своей догадке, что принесённое ею лекарство будет с подвохом.

Раскрыв книгу, девушка так сильно схватила её, что в её глазах всплыли чёрные круги. Её пальцы ног впились в мягкий ковёр. Похоже, придётся в скором времени снова искать новый.

— Госпожа. — Тётушка Ву быстро принесла китайское лекарство и почтительно протянула его Вэй Цинъюй. — Госпожа Вэй, выпейте его, пока оно ещё тёплое, иначе позже, когда оно остынет, его действие будет не таким заметным.

Вэй Цинъюй легко подняла глаза, сказав равнодушным тоном:

— Не стоит, я выпью его чуть позже.

Джи Сяо мгновенно перестал щёлкать семечки, прекрасно понимая план Вэй Цинъюй.

Девушка с недоверием отнеслась ко всему, что ей дали, иначе под пристальным наблюдением двух прислуг она бы выпила лекарство, пока оно не остыло.

Просто это лекарство использовали, чтобы оздоравливать её тело.

Если я сейчас не проясню, то что если Вэй Цинъюй напишет на себя ненужную сумму?

Цзи Сяо чувствует себя крайне тяжело.

Она махнула рукой тётке У и сказала: «Сначала спуститесь».

Тётя У слегка кивнула, поставила лекарство на стол, что стоял ближе всех к Вэй Цинъюй, и ушла.

«Пей». Цзи Сяо подтолкнула миску с лекарством, выучив тон первоначального владельца, и приказала.

Как и ожидалось, Вэй Цинъюй проигнорировала это.

Она по-прежнему опустила голову, глядя на книгу в своей руке не отвлекаясь, её голос был безразличен: «Я выпью его позже».

«Почему, подозреваешь, что я отравила тебя внутри?» Цзи Сяо использовала бесспорный метод, «Настолько ли я презренна?»

Вэй Цинъюй приостановилась, когда перевернула страницу, и презрительно подняла свои глаза, прожигая взглядом Цзи Сяо.

Она готовилась пойти ва-банк, и неплохо было проявить сопротивление на этот раз.

Бирюзовые глаза были спокойнее, чем когда-либо прежде, и они выглядели как спокойный водоём.

Цзи Сяо прочла в них два слова — «Да».

Глядя на равнодушно опущенную голову Вэй Цинъюй, Цзи Сяо почувствовала, что ненависть в сердце Вэй Цинъюй к ней возросла на целый пункт.

Проблему изначального обладателя этой внешности еще не удалось решить, а эта плохая идея, как на зло, провалилась на первом же этапе.

Цзи Сяо взглянула на чашу с лекарством перед собой, и будь она настоящим обладателем этой внешности, то зажала бы ей рот и вылила все содержимое внутрь.

Но сейчас она и помыслить об этом не смеет - не хватало еще умереть!

Цзи Сяо немного подумала и слегка облизнула нижнюю губу.

Чэнь Ши говорил вчера, что ей можно будет принять это лекарство по окончании этого восприимчивого периода для укрепления здоровья. Думаю, если его будет пить альфа, то проблем не возникнет.

Так что Цзи Сяо перекрестилась и на глазах у Вэй Цинъюй, взяв чашу с лекарством, одним глотком выпила половину.

Как раз и грешок свой замолила.

Брови Цзи Сяо нахмурились, когда эта чаша с китайским лекарством цвета загара приблизилась к ней. Горечь распространилась в тот момент, когда она коснулась кончиком языка, и странное покалывание прошло по ее горлу. Яростный удар обрушился на живот Цзи Сяо.

Горько!

Это действительно горько!

Цзи Сяо почувствовала такую горечь, что потеряла контроль над своим выражением лица, однако, поняв, что Вэй Цинъюй все еще рядом, она изо всех сил постаралась взять себя в руки.

Она выдвинула чашу с лекарством, которое попробовала, в сторону Вэй Цинъюя, и с трудом выдавила высокомерную фразу: «Я же говорила, что оно не отравлено!»

Вэй Цинъюй посмотрел на легкую рябь в чаше с лекарством, его выражение на мгновение стало ошеломленным.

Что затеяла Цзи Сяо?

Пробует лекарство сама только для того, чтобы доказать себе, что с этим зельем нет никаких проблем?

«Верно! По этой части ты уступаешь этой леди».

Кстати об этом, Цзи Сяо на автомате достала из кармана конфету, только что ей занесенную, щелкнула на фото перед Вэй Цинъюй и, прежде чем снова потерять контроль над своим выражением лица, быстрым шагом вышла из комнаты Вэй Цинъюя.

Комната полностью погрузилась в тишину, и Вэй Цинъюй наблюдала за удаляющейся Цзи Сяо на заднем плане, а в глазах ее промелькнула нотка насмешки.

Какие трюки с ней собирается проделать эта девчонка?

Теплое лекарство постепенно излучало свой жар, и в воздухе висел белый пар, быстро рассеивавшийся холодным потоком воздуха от центрального кондиционера.

Вэй Цинъюй поднялась, взяла ту чашу лекарства, которое Цзи Сяо продегустировала и признала неопасным, подошла и вылила его в стоящие в стороне зеленые растения.

Хотя эта чаша с лекарством и была в порядке, она не могла никак расслабиться и перестать быть начеку при виде Цзи Сяо.

Пустая чаша преломляла свет, и этот свет упал на обертку из розового блестящего папируса, больно резавшую глаза Вэй Цинъюй.

Вэй Цинъюй безразлично замер у столика, намереваясь выкинуть конфету в мусорную корзину, но тем не менее с нехорошей прытью спрятал ее в рукав.

Из щели в оберточной бумаге просочился слабый запах персикового вина, а в ушах прозвучал незрелый голосок девочки.

«Эй, вот тебе конфета. Папа сказал, что после конфеты боль пройдет!»

Вскоре настал первый учебный день, и Цзи Сяо встала перед зеркалом и принялась приводить в порядок свою форму, все еще с трудом веря в происходящее.

В прошлый раз, когда она входила в ворота школы, то была практикантом по математике, а теперь она уже старшеклассница.

Прочувствовать юность снова, только на этот раз это вызывало некоторые ожидания.

Позавтракав, Цзи Сяо с сумкой вышла из дома.

У машины Вэй Цинъюй с белой школьной сумкой через плечо к тому же неуклюже обошла машину девушки и направилась к аллее перед виллой.

В тени дерева нежно колыхалась темно-зеленая клетчатая юбка, длина которой ровно до колен позволяла видеть стройные икры. Нежная кожа на солнце отражала тусклый свет, подобный фарфору, а незажившая рана на колене виднелась под юбкой. Вэй Цинъюй услышала звук заводящегося за ее спиной автомобиля, а спустя пару секунд машина Цзи Сяо без сюрпризов проехала мимо нее. Луч солнца сквозь листья упал на лицо Вэй Цинъюй, а в ее бирюзовых глазах было отражено безразличие. Она почти забыла, что когда-то ездила в подобной машине. Внезапно стоящая перед глазами Вэй Цинъюй машина резко остановилась. Цзи Сяо толкнула дверцу и вышла, а когда обошла машину, то задрал подбородок, сказала: «Садись в машину».

<http://tl.rulate.ru/book/4215/125804>